

— В. Анпилов

Драгоценные зерна

Записки Журналиста

КОНЦЕРТ

ШЕЛ КОНЕЦ ОКТЯБРЯ. На улицах стало холодно, безлюдно и неуютно. Они словно разделись: лежали просторные и робкие. Горизонт все чаще наливался свинцовой тяжестью. Жесткий низовой ветер выметал из переулков последние листья. На оголенных деревьях появились осторожно-любопытные синицы.

Вечером в зале Медынского Дома культуры было, как и на улице, холодно и неуютно. Все сидели одетые, тесно прижавшись друг к другу.

На сцене появлялись певцы и певицы. Пели они, кажется, неплохо, но аплодировали им мало. Все ждали его. А он все не выходил.

— Братцы! — неожиданно раздался чей-то скрипучий раздраженный голос. — Да ведь нас обманывают. Нарочно тянут. Споет он одну песню под занавес, и будьте здоровы. Подумаешь, скажет, какая-то захудалая Медынь. Им подавай столицы...

На говорящего сердито зашикали, призывая к порядку. И даже мой все время молчавший сосед буркнул себе под нос: «Ох, и народ же пошел невыдержанный».

И тут в зале погас свет. Стало темно и тихо, точно в ночь, когда из берегов выходит полая вода. Прошла минута, другая, третья...

— Товарищи! — раздался со сцены голос невидимого человека. — Есть среди вас монтеры?

В разных местах загремели отодвигаемые стулья, и по невидимому проходу затопали чьи-то гулкие, неуверенные шаги. В глубине сцены, где-то под самым потолком, заплескал жалкий спичечный огонек.

Свет загорелся, и почти тут же на сцену выскочил человек, ведущий концерт.

— А сейчас, — как-то нарочито медленно и торжественно объявил он, — перед вами... выступит... заслуженный артист... Петр Киричек.

Сначала по залу пронесся общий вздох облегчения, и уже потом раздались дружные, радостные аплодисменты.

«Вот сейчас, — поддаваясь общему радостно-торжественному настроению, взволнованно подумал я, — выйдет любимый мой певец, станет посредине сцены — высокий, коренастый, и в холодный, неуютный зал сразу ворвется наше неумное русское раздолье: распахнется синь русского неба, откроется ширь наших русских полей, заплещутся волны наших русских рек и зашумят, загрузят наши до боли родные и милые русские березы... И все твое существо переполнится великой радостью, что ты родился под синью русского неба, что колыбельную тебе пели русские березы, что вскормили тебя русские поля, что сам ты русский».

Но тут опять погас свет. В зале опять стало темно и тихо, точно в ночь, когда из берегов выходит полая вода. И опять раздался все тот же скрипучий раздраженный голос:

— Братцы! Да ведь никакого Киричека нет. Обман все это.

На этот раз крикуна никто не одергивал. Зал ошеломленно молчал. Вдруг тишину нарушил близкий, сильный, очень знакомый голос:

— Товарищи, я здесь. И я буду петь вам...

И он запел. И в темный холодный и неуютный зал сразу ворвалось наше неумное русское раздолье, распахнулась синь русского неба, открылась ширь наших русских полей, заплескались волны наших русских рек и зашумели, загрузили наши до боли родные и милые русские березы... И никто из нас уже не замечал, что в зале холодно и неуютно, что нас окружает непроглядная тьма: песня растревожила, песня согрела, песня наполнила всех каким-то колдовским внутренним светом...

* * *

Всякий раз, когда Московское радио передает песни в исполнении Петра Киричека, я вспоминаю тот осенний вечер в Медыни, и певец становится мне еще понятнее, еще ближе и роднее...